

Прекрасный Мужчина

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ангелина Реннер

Анастасия Реннер

Язык Лжи

«Автор»

2026

Реннер А.

Язык Лжи / А. Реннер — «Автор», 2026

Главное правило Брикстона: Никому не доверяй. Особенно тому, кто предлагает помощь. Рейна Аддерли нарушила его в тот день, когда спасла раненого незнакомца в маске. Спустя десять лет этот человек вернулся в её жизнь. Теперь его зовут Дамиан Рид, и он предлагает больше, чем помощь. Он предлагает всё. Но за щедростью наследника могущественного клана скрывается игра, правила которой Рейна не понимает. За её спиной не горы золота, а мать алкоголичка с темным прошлым. За Дамианом - империя, построенная на секретах, и отец, у которого свои счёты с призраком. Два мира которые не должны были встретиться никогда.

© Реннер А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Рейна	5
Первая глава. Рейна	8
Вторая глава. Дамиан	14
Третья глава. Рейна	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Язык Лжи

Пролог. Рейна

«...Wake me up inside

Разбуди меня внутри

Save me from the nothing I've become

Спаси меня от того ничтожества, в которое я превратился»

Evanesence— BringMeToLife

Я бежала сломя голову; впереди меня виднелись только жухлые дома и развалины заброшенных зданий. *Брикстон*. Мои короткие детские ножки едва касались земли. Страх. Дыхание частое и прерывистое. Сердце колотится так, что, кажется, вырвется из груди, поэтому я прижимаю ладонь к нему, чтобы хоть как-то успокоиться. Пальцы холодные и липкие. Больше никаких чувств не было — только страх. *Страх. Страх*. За все свои десять лет жизни я единственный раз испытала нечто похожее, когда у моей маменьки случился обморок. Она валялась на полу нашего нового жилища и не подавала признаков жизни, но всё обошлось благодаря соседу, который решил прийти за солью. Мистер Аллен вызвал скорую помощь, и мама провела в больнице целую неделю, пока я жила с семьёй миссис Пресли.

Миссис Пресли — шикарная женщина, у которой целых три сына; от неё всегда пахло корицей и морковкой, потому что она очень её любит. Ещё она постоянно гладит меня по волосам и заплетает косички. И один из её сыновей, Дэниел, — мой самый любимый. Он был так рад, когда я пришла к нему в комнату и заснула на кровати в виде машинки, что в конечном счёте привело к тому, что Дэн спал со мной. Именно его объятия помогали мне в те дни не сойти с ума от переживаний. Но сейчас я испытываю страх не за чью-то судьбу или жизнь, а за своё существование в этом мире. Этот район мне не нравится, но моя мама сказала, что здесь нам будет лучше.

Добежав до дома, я ворвалась в него. Всё позади. Как хорошо, что ничего не случилось. Мне показалось, что за мной кто-то следил: я видела силуэт, который двигался в моём направлении. Возможно, у меня разыгралась паранойя или я слишком впечатлительная. Думаю, второе. На днях я ходила с мистером Смиттом и Дэниелом в кино на ужастик, и из-за этого у меня воображение постоянно рисует странные картинки.

Моя мама, которую звали Элизабет, сидела на кухне, и её слегка посидевшие пряди выделялись на фоне золотистых волос. Увидев меня, она не удивилась, а только цокнула языком и закатила глаза. Она такая молодая, но в то же время старая...

— Ты опоздала на тридцать минут, — сказала она раздражённым тоном. Ей всегда не нравилось, когда я прихожу поздно.

— Прости, я засиделась с Дэниелом, — опустил голову, пробормотала я виновато.

В голове всплыл сегодняшний день. Я, Дэн и его братья, которых зовут Майкл и Элвис, помогали мистеру Сантьяго — соседу, который живёт в семи домах от нашего. Элвис, как самый старший, вёл себя как зазнайка, — конечно, его же называли в честь мировой звезды. Бесит.

Отгнав подальше этот эпизод, я попыталась сфокусировать взгляд на матери. Мои ногти впились в ладонь так сильно, что я едва не застонала от боли. Мне неловко и стыдно от того, что я опоздала. Не хочу расстраивать Элизабет: она и так в последние годы стала менее любезной со мной. Иногда мне кажется, что она вообще меня не любит. На глаза начали наворачиваться слёзы, но я сделала всё возможное, чтобы они не пролились. Она не любит их.

— У меня работа, иди посиди во дворе, — она посмотрела в мою сторону, и я увидела в её глазах странный блеск.

Я часто его вижу, но не могу понять, от чего он. Обычно он появляется прямо перед её работой. Наверное, это из-за того, что она ей нравится и Элизабет ждёт её. *Да, скорее всего, так и есть.*

— Хорошо, — понунив голову ещё сильнее, я поплелась в сторону заднего входа дома.

Я не знала, что за работа у мамы, но знаю, что она, наверное, крутая: к ней постоянно приходили мужчины разных возрастов, а потом она кричит так, что слышно даже во дворе. Я сначала подумала, что её убивают в первый раз или с ней что-то случилось, но какой-то мужчина, который выходил из дома после того, как крики кончились, сказал, что моей матери было очень весело. И когда эти крики начали происходить чаще, я поняла, что тот красивый мужчина был прав.

Сев на качели возле маленького сада, я начала раскачиваться. Звёздное небо и полная луна освещали весь город. Красиво. На моих губах сорвалась улыбка. Воздух пах свежестью, я это очень сильно люблю.

Но в этот момент краем глаза я увидела лежащего на траве мальчика, или парня. Я изда- лека не очень хорошо вижу: у меня уже начало падать зрение, но я всё равно отказываюсь носить эти дурацкие очки. Сощурившись, я начала осматривать этого человечка. Он был на несколько лет меня старше — это было сразу понятно по телосложению, потому что вряд ли в десять лет он был бы таким большим.

Спрыгнув с качели, я побежала в его сторону. Выйдя за калитку, я поморщилась от её неприятного скрипа.

Парень лежал на боку, поджав колени. Его тёмная одежда сливалась с землёй, и сначала я подумала, что это просто куча тряпья. Но нет: на нём были чёрные брючки и рубашка. Я увидела, как его плечо дернулось от прерывистого дыхания. И маску. Она была на его лице — простая, тряпичная, чёрная, скрывающая всё, кроме глаз. Я не могла разобрать цвет из-за темноты, но думала, что они красивые. От него исходил сладковатый, медный запах, который я потом узнала — это была кровь.

Я осторожно обошла его. На его рубашке, ниже рёбер, темнело большое мокрое пятно. Оно блестело в лунном свете.

— Эй, — прошептала я. — Ты живой?

Он не ответил. Но его пальцы шевельнулись, вцепившись в землю. Я помнила, как однажды помогала Дэниелу, когда он разбил коленку, упав с велосипеда. Нужно было промыть и перевязать. Почему-то мне стало страшно за этого мальчика.

Не думая о последствиях или о том, что ему, возможно, не нужна моя помощь, я побе- жала к маленькому сараю возле дома, потому что в сам наш дом мне запрещено заходить, когда моя мама с мужчинами. В сарае были баклажки воды, которые мы храним на случай отклю- чения коммунальных услуг, а также старые мои и Элизабет вещи. Они были чистые, вроде. Да, я помню, как миссис Пресли их стирала, когда была у нас в гостях. Хотя, по секрету, она не очень сильно любит мою маменьку.

Я разорвала пакет, где лежала одежда, взяла большую футболку и смочила её водой. Перед уходом я схватила бутылку водки, которая тут была, наверное, с доисторических вре- мён. Надеюсь, мне не влетит от Элизабет за то, что я ею воспользовалась.

Вернувшись в сад, я опустилась на колени рядом с ним. Мальчик замер, почувствовав моё присутствие, но не отстранился. Его дыхание стало чуть громче.

— Мне нужно посмотреть, — сказала я, больше для себя, чем для него. Мне не нравилась кровь, но я не хотела, чтобы он умер. Не знаю почему, но я подумала, что он может это сделать. В кино люди так и умирают — тихо лежат и почти не дышат.

Осторожно я прикоснулась к краю его маски, чтобы вытереть полоску засохшей крови на шее. Он резко дернул головой, и его рука молниеносно сжала моё запястье. Хватка была слабой, но испуганной.

— Ладно, ладно, — поспешно сказала я, сердце колотилось как сумасшедшее. — Не буду трогать маску.

Дрожащими пальцами мне пришлось поднять его рубашку, и я увидела много крови. Она вытекала из раны. Откуда у него этот порез?

Я отлила водку на взятую с собой футболку и потянулась к тому месту. Когда я прижала её к ране на его боку, он издал сдавленный стон, и всё его тело напряглось. Я видела, как его кулаки сжались, но он терпел, пока я промывала порез — длинный и неглубокий. Потом я туго перевязала его старой футболкой, предварительно кое-как разорвав её, обмотала вокруг торса и завязала узел, помогая ему привставать, чтобы я смогла доделать свою работу.

Когда я закончила, он лежал неподвижно, тяжело дыша. Я сидела рядом, не зная, что делать дальше. Но всё равно вытерла руки, на которых осталась кровь, об свою одежду. Красные разводы на моей светлой кофте напоминают цветочки. Мама будет ругаться, если увидит это. Но, может, она не заметит?

— Тебе лучше? — спросила я тихо.

Он медленно, очень медленно кивнул. Один раз. Мальчик всё ещё не смотрел на меня: его голова была повернута в сторону.

Мы сидели так несколько минут в полной тишине, нарушаемой лишь нашим дыханием и криками мамы из окна, которые только-только начали слышаться. Он посмотрел на меня, и в его глазах я увидела недоумение.

— А, ты про это. Мама сейчас работает, у неё крутая и весёлая работа, говорит, помогает мужчинам, — сказала я, тепло улыбаясь незнакомцу.

Его глаза потемнели. Хотя я и не видела цвета, но мне показалось, что они стали полностью чёрными. Он резко прижал меня к себе — ухом к его груди, а ладонью прикрыл другое ухо.

Я издала сдавленный визг удивления, но не отпрянула. Мы были в странной позе: он всё ещё лежал на земле, а я — на нём.

— Тебе нельзя это слушать, — его голос прозвучал прямо у моего прикрытого уха — низкий, сдавленный, будто сквозь стиснутые зубы. Он был полон такой горькой, взрослой горечи, что мне стало страшно. — Ты ещё маленькая.

Я не ответила ему, а лишь ещё сильнее прижалась. С этим странным незнакомцем было так комфортно, что мне захотелось пробыть с ним вечно. Он такой хороший. Надеюсь, с ним всё будет в порядке.

Первая глава. Рейна

*«... Wake me when the bell rings
Разбуди, когда звонок прозвонит
I'm gonna sleep 'cos you live in my day dreams
Я буду спать, ведь ты живёшь в моих грёзах»
GlassAnimals– TakeASlice*

Я сидела в кафе Брикстона. Довольно бедный район, ну, или можно сказать, что это лондонское гетто. Напротив меня сидела моя подруга и по совместительству коллега по несчастью, потому что мы вместе ходили на подработки. Её пепельные волосы ниспадали на плечи. Довольно странный выбор краски, потому что каждый раз, когда к нам подходили знакомиться, у неё спрашивали, не седая ли она. Её карие глаза смотрели на меня выжидающе, она нервно тербила салфетку, ожидая, что же дальше я скажу.

— Клинтон, хватит на меня так пялиться, — раздражённость в моём голосе давала понять, что я не собираюсь продолжать этот дурацкий разговор.

— Хватит, Аддерли, я просто жду ответа. Скажи мне «да», и я отстану, — она посмотрела на меня, сделав щенячьи глазки.

Мне неловко, Клинтон иногда бывает такой прилипалой: она очень часто любит входить в моё личное пространство без разрешения. Обычно это затрагивает все сферы деятельности. Мне кажется, что если бы мы познакомились в школе, то она бы и там за мной по пятам ходила.

— Я не собираюсь продолжать этот бессмысленный разговор, — отрезала я.

Почему она просто не может оставить меня в покое? Я раздражена не самим разговором с ней, а скорее её настойчивостью, которая выводила меня из себя.

— Я ничего не знаю, дорогуша. Но этим вечером ты идёшь со мной на ту подработку в бар, я не смогу сама справиться, а с Дэном мне бы не хотелось быть наедине, — она уже начала вставать из-за стола, забирая свой бумажный стаканчик кофе, и посмотрела на меня сверху вниз с уже лёгкой усталостью.

— Ясно. Я тебе, получается, чисто для моральной поддержки, и тебя вообще не волнует тот факт, что твоя подработка находится на другом конце города и до неё добираться мне с тремя пересадками? — уже устало спросила я, потому что хотела, чтобы этот разговор канул в Лету и я смогла в одиночестве допить свой зелёный чай. Я не хотела идти с ней и Дэном — не только из-за того, что этот бар находится у чёрта на куличках, но и потому что мне просто-напросто хотелось спать. Я не спала всю ночь из-за смены в цветочном, а тут ещё одна ночь без сна. *Спасибо.*

— Меня ничего не волнует, ты же знаешь, — Клинтон начала идти к выходу аккуратными шагами, чтобы её мини-юбка не задралась. — Жду тебя, моя хорошая!

Она напоследок улыбнулась мне и закрыла за собой входную дверь. Я повернулась в сторону окна, где виднелись следы от разводов и капельки грязи в нескольких местах. Тяжело вздохнув, я уже хотела было сделать глоток своего любимого зелёного чая, в котором обязательно должно быть две ложки сахара — иначе я просто не наслажусь вкусом, — но увидела припаркованный байк недалеко от магазинчика напротив. Там сидел парень лет двадцати пяти или двадцати шести. Думаю, в этом диапазоне, или чуть младше. Он был без шлема на голове: незнакомец держал его в своей левой руке, а другой прикуривал сигарету. Его поза говорила о спокойствии и даже скуке. Ткань туго натянулась на широкой грудной клетке и упругих бицепсах, открывая взгляду сильные, покрытые лёгким слоем тёмных волос предплечья и проступающий рельеф пресса. Но больше всего поражали его волосы. Иссиня-чёрные, они были коротко выстрижены на висках и затылке, но на макушке оставались длинными, или скорее средними. Несколько прядей, тёмных и шелковистых, спадали ему на лоб, почти касаясь бровей. Чертов-

ски красив. Я так и не разглядела цвет его глаз сначала — они оставались скрыты в тени, но в освещении уличного фонаря я уловила их: они были серыми.

Специально сконцентрировав всё своё нутро на своих глазах, я пыталась детальнее понять, какого цвета радужка у этого небесного бога. Мои очки постоянно хотели съехать на нос, но я просто указательным пальцем придерживала их у переносицы. *Так, так, так.* О боже, да у него глазки-то не просто серые. Они у него как туман, тот, что начинает опускаться на город ранним утром. Почему на моих губах появилась улыбка?

Парень сделал глубокую затяжку, и дым вырвался лёгким облаком, растворившись в прохладном воздухе. В этом простом движении была какая-то первобытная, неоспоримая мужественность, от которой у меня внутри всё сжалось в тугую, тревожный и порочно желанный узел. Не только это привлекло моё внимание, но и то, что моя подруга Клинтон Харгривз бежала к нему сломя голову, позабыв даже о своей мини-юбке, которая открывала всем вид на то, что не следует смотреть. Она обняла парня за шею, и тот только ухмыльнулся и надел на неё шлем. Клинтон что-то ему кричала возмущённо, но, кажется, незнакомцу было всё равно.

Вот же блин, интересно, почему так резко поменялось её настроение? Харгривз села сзади, обхватив его талию своими руками. И в этот момент он перевёл взгляд на меня и застыл. Он смотрел на меня, и в его лице отражалась только одна эмоция — любопытство. Его голову не украшал и не защищал шлем, и из-за этого я видела всё, что происходит на его физиономии. Глаза незнакомца сощурились в две узкие щёлочки, а руки сжались вокруг ручек мотоцикла, корпус наклонился ниже, и поэтому Клинтон ещё сильнее к нему прижалась. Парень не прекращал смотреть на меня, и в следующее резкое мгновение он сорвался с места.

— Черт! — вырвалось у меня слишком громко. Мой чай расплескался по футболке, и поэтому все посетители косо посмотрели на меня, а я, нервно улыбаясь от смущения, встала и, бросив на стол несколько помятых и потёртых купюр, убежала. Надеюсь, что там хватит на чаевые. Я выбежала на улицу, тяжело дыша. Твою мать, какого черта этот красавчик так на меня пялился? Пришибленный какой-то. Я имею право пялиться, потому что я — это я, а он...

Меня не волновало то, что с ним была Клинтон: она была очень любвеобильной, и поэтому в Брикстоне её прозвали «Мисс Да». И я не удивлюсь, что завтра вместе с моей подружкой будет его друбан или, не дай боже, отец. Но всё может быть. Блин, я слегка ей завидую. Я бы тоже хотела вот так с тем незнакомцем покататься. *Свобода.*

— Дура, дура, дура, — я била себя ладонью по лбу, понимая, что не должна была вообще на него смотреть, и тогда бы не опозорилась. И вообще, мне нельзя даже думать о нём. Футболка прилипла к груди, из-за чего мне приходится постоянно её поправлять. А чай-то был с сахаром, а это значит, что теперь я ещё и липкая.

Всю дорогу до дома я не могла забыть этого незнакомца. Идя по обшарпанным улицам, мне даже не было страшно. Ну, как сказать: страшно-то всегда, главное — не показывать этого. *Правило номер один:* если ты живёшь в этом лондонском гетто, которое ещё называют Брикстон, тебе нужно забыть о трусости. Хотя бы не подавать виду, что, в общем-то, все и делали.

Я перевела взгляд в сторону детской площадки и увидела малышню. Они играли и веселились, пока подростки смотрели на них со странным взглядом.

— Эй, а ну пошли отсюда! — крикнула я тем самым подросткам. Мой голос дрожал, но я пыталась сделать его тверже.

Никто не посмеет дотронуться до тех детей. Да, я знаю, что, возможно, они просто заберут деньги и свалят, но этого не произойдёт.

Юноши повернулись в мою сторону с недовольным видом и уже хотели двинуться, но увидели в моей руке охотничий, острый, ну просто бомбический нож. Это подарок мистера Аллена перед смертью... Единственное, что от него осталось у меня.

Те резко развернулись и пошли в другом направлении, а дети даже не обратили внимания на суматоху вокруг них. Я такой же была раньше — ничего вокруг не замечала. Сердце всё

ещё колотилось, когда я убирала нож в карман. Ладони были влажными. Я тяжело вздохнула, пытаюсь вернуть маску безразличия.

Правило номер два: всегда держи нож в кармане. Это скорее для твоей же безопасности. Ну и ещё для запугивания. Я как раз продемонстрировала это. И наконец *правило номер три:* никому нельзя здесь доверять. Так всегда говорит моя прекрасная мать, из-за которой я и живу здесь. Не доверяй никому, даже самому себе, и это слегка удручает, потому что из-за этих правил у каждого есть секреты, которые гложут душу. Но я не слушаю третье правило. Или скорее слушаю, но частично. Питаю доверие только к одному человеку — Дэниелу. Мой золотистый ретривер, так сказать, — так его назвала миссис Пресли. Что правда, то правда: Дэниел Пресли — самый что ни на есть солнечный свет в этом убогом мире.

Я уже подходила к своему дому, всё ещё находясь мыслями о том парне (как бы мне не хотелось это признавать, но я думаю об этом незнакомце), и увидела на крыльце мою мать.

Её звали Элизабет Аддерли, женщина тридцати семи лет, с уже полностью седыми волосами. Её худое телосложение скрывал длинный махровый халат в яркий цветочек. Она курила сигарету и смотрела на меня с раздражением. Думаю, она всё ещё дует на жизнь, что я ей испоганила, ибо ну как я могла родиться в её семнадцать лет? И, наверное, она винила только меня, а не своего на тот момент парня, в тот момент, когда он кончал в неё. И потом исчез. Хотя раньше всё было по-другому...

— Где ты была? — глаза Элизабет пристально следили за мною.

Я лишь закатила глаза и просто присела на крыльцо у её ног. Достав из кармана джинсов пачку сигарет, я наспех прикурила и сделала глубокую затяжку. Никотин ударил в голову, и я моментально расслабилась. Пусть всё идёт к черту. То, что я сейчас делаю, — единственное, что меня волнует. Никотин — моя зависимость, и без него я впаду в кому. *Уверена, так и будет.*

— Я гуляла с Клинтон, не переживай, маменька, я уже взрослая девочка и могу гулять с кем хочу, — съязвила я, слегка улыбаясь ей уголками губ. *Или скорее себе?*

— Ладно, я слышала, что твоя дорогая подружка заставила тебя идти в бар помочь ей с подработкой, — она докурила сигарету и засунула окурочек в косяк двери. — Жду деньги на столе сразу, как тебе выплатят. Не разочаровывай меня, маленькая зайка.

Вот же... *Подождите, откуда она узнала о работе?*

С последующим тяжёлым вздохом она вошла в наш дом и скрылась, видимо, как обычно, в своей спальне. Не докурив, я бросила окурочек куда-то в сторону и зашла в наше жилище. Это можно сказать — маленький обшарпанный островок несбыточных надежд. Так это всегда говорит Элизабет. Его она купила лет десять назад, и всё это время мы живём тут вдвоём. В нём всего четыре комнаты. Справа от меня есть дверь в спальню, где спит эта несносная женщина, и, наверное, она уже наглоталась таблеток, как обычно.

Комната её обычно завалена вещами «на потом». Воздух там постоянно спёртый и пахнет лекарствами, табаком и старыми вещами. Возле окна, вроде, стоит стол, где валяются окурки и несколько зажигалок, и ещё он постоянно липкий. Каждый раз, когда я убираюсь в этом помещении, мне хочется, чтобы оно сгорело, ну, в принципе, как и весь дом. Я сказала «вроде» насчёт стола, потому что моя мать постоянно любит делать перестановки, поэтому я не удивлюсь, если, войдя в спальню, увижу полный переполох. Кровать у неё двуспальная! Я, между прочим, потратила на неё все свои сбережения, чтобы спать на ней самой, но в итоге она забрала её, говоря, что ей и её клиентам нужнее. Ок. Ладно. Я только в тринадцать лет поняла, кем работает моя мать. *Ненавижу её за это.*

Я прошла мимо маленькой кухни и ванной комнаты, где постоянно открыта дверь. Она никогда не закрывается, а подпирать стулом каждый раз мне не хотелось. Я завалилась на свой диван в гостиной, лицом в подушку, и укрылась пледом с головой. Эта комната — моя крепость, здесь висят на стенах мои любимые постеры, которые скрывают дырки в обоях. Мой

любимый — это плакат с Райаном Гослингом, где он изображён в одних трусах, потому что рекламировал нижнее бельё. Кстати, Элизабет он тоже нравится, она даже оставила след от поцелуя на его прессе.

Я вылезла из-под махровой ткани, достала свой старенький побитый телефон из кармана. Я вздрогнула, когда пришло сообщение на мой мобильник от моего друга Дэниела.

Дэниел: Планы меняются, Клинтон написала, что уже сейчас нужно идти в бар, не опоздай, Рейна.

Я: Какого черта? Мы договаривались с ней на десять вечера, сейчас только пять!!!

Дэниел: Ничего не знаю, езжай сейчас.

Дэниел: Я понимаю, малышка, что ещё рано, но нужна твоя помощь сейчас, пипец как. Я сам уже полностью иссох от напряжения. Тут целый аншлаг. И, кстати, Клинтон — та ещё стерва, решила привезти тебя, а админу сказала, что поручаться за тебя не будет. Но ты не переживай. Я сделал это вместо неё!

Я перечитывала последнее сообщение раз за разом. *Какого хрена, Клинтон?* Это, наверное, какой-то новый уровень дружбы: звать к себе и в итоге забить. Сама как собачонка бегают, и целых семь часов мне на мозг капала, что хочет, чтобы я пошла с ней, а в итоге... Просто забивает. Хорошо, что у меня есть Дэниел. Мой мальчик. Как же я рада, что у меня он есть.

Я, тяжело вздохнув, встала с дивана и надела на себя первые попавшиеся спортивные серого цвета и худи с принтом какой-то рок-группы, которую я даже не знаю. Ничего не сказав матери, я отчалила.

Путь до бара под названием «Меридиан» прошёл, как я и предполагала: несколько пересадок на автобусе и потом двадцать минут пешим ходом. На всё про всё у меня ушло много времени, и к семи вечера я уже была возле входа в бар.

Там меня поджидали Клинтон и Дэниел уже в форме официантов. На Клинтон — чёрные подтяжки поверх тёмной рубашки, укороченные брюки-гольф в клетку, длинные чулки и кепка-восьмиклинка. Волосы собраны в низкий пучок, а на губах видна тёмно-коричневая помада. На Дэниеле точно такая же форма, но отсутствуют чулки, а вместо укороченных брюк — обычные штаны.

— Как ты без меня поживал? — промурлыкала я Дэну, играя бровями.

Тот, в свою очередь, лишь фыркнул на моё приветствие, но всё равно заключил в свои тёплые, такие домашние объятия. От него так веяло морковкой. Видимо, Дэниел решил с миссис Пресли поесть перед работой. Я увидела, как Клинтон что-то мне сказала, но я не услышала. В следующее мгновение она уже скрылась. Ладно, потом переспрошу у неё, о чём она там щебетала.

— Хватит меня нюхать, как какая-то собака, — съязвил мой друг, его глаза были сужены и смотрели так пристально.

— Эй, хватит так на меня пялиться, — притворно завизжала я и начала прикрывать свою грудь руками. — Ты просто пахнешь морковкой. Когда ты вообще успел к своей матери примчаться?

Мой вопрос повис в этом убогом пространстве, Дэниел потупил взгляд, но всё равно ответил.

— Говоря, кстати, о моей матери... — он сделал драматичную паузу, и в мгновение на его губах появилась язвительная усмешка. — Я сказал, что ты к ней прийдёшь на выходных и проведёшь всё время. Она соскучилась.

С этими словами он развернулся и ушёл в сторону чёрного входа.

Мои глаза были широко раскрыты, и я сама не поняла, как просто открываю и закрываю рот, будто рыба. *Ну нет.* Ну, пожалуйста. Дэниел — предатель полнейший. Мои кулаки сжались, и я уже хотела было побежать к нему и врезать, но остановилась. Я люблю миссис Пресли, правда, но она стала за последние два года такая... Ну, как сказать, она стала гиперо-

пекающей. *Прям очень.* И я, как человек, которому такое слегка чуждо, всё ещё непривычно это принимать. Она стала такой после того, как все её сыновья разъехались, и Сара Пресли осталась одна со своими кошками, поэтому, когда к ней кто-то приходит, начинается полный ад для каждого. А так как мы все её любим, то терпим.

Я пошла в подсобку и тоже переоделась в форму, которую мне выдали. И, посмотрев на себя в зеркало, увидела в отражении не уставшую девушку, а красивую официантку. Мои чёрные волосы, которые едва доставали до лопаток, были собраны в хвост, а зелёные глаза я подкрасила чёрным карандашом. Сняв очки, я положила их в футляр и, достав контейнер для линз, надела их, перед этим вытерев руки о спиртовые салфетки. Теперь я полностью готова.

— Хватит наводить марафет, иди работай, дорогуша, — меня вывел из мыслей мужчина лет пятидесяти. Я сразу поняла, что он тут директор. Мистер Дэлфин. О нем мне рассказывал Дэн один раз. Ну и рожа, конечно, у него.

— Извините, сейчас начну, — я проскользнула мимо него и направилась делать свою работу.

Это был бар в стиле «мафиозного подполья» 20-х годов. Ничего более вычурного не видела. Ну да ладно, готова поработать, пока платят достаточно. Даже готова простить всех за то, сколько времени я потратила, чтобы добраться до этой дыры. А всё потому, что узнала свой оклад всего за одну смену, и это я ещё не посчитала примерные чаевые. Боже, да простит меня Бог за все грехи, но спасибо, что Клинтон меня заставила сюда прийти. Хотя нет, спасибо большое тебе, Дэн, что за меня поручился. *Ну герой.* Медальку и шоколадку надо ему подогнать.

Так прошли несколько часов моей работы — постоянная беготня туда-сюда. Я видела, как Дэниел уже изрядно устал, а моя подруга так вообще сбежала в туалет, закрывшись.

Отдав заказ мужчинам в чёрных костюмах, я развернулась и пошла в сторону чёрного входа, на ходу доставая крекеры. Сев на бордюр возле бара, я начала жевать пресные печенья. На вкус и вправду как резина, но мне нужны калории, чтобы не подохнуть. Надо есть.

Передохнуть не удалось. Едва я сделала третий укус, как чёрный байк с низким урчанием подкатил к обочине прямо передо мной. Моё сердце провалилось куда-то в пятки, а затем забилось с такой силой, что звон стоял в ушах. Это был он. *Тот самый парень.*

Он заглушил двигатель, снял шлем, и его взгляд, холодный и тяжёлый, как свинец, пригвоздил меня к месту. В полумраке его глаза оказались не серыми, а пронзительного, ледяного аквамарина, лишённого всякой теплоты. Он медленно прошёлся ими по моей фигуре в дурацкой униформе, по дрожащей руке с сигаретой, и на его губах застыла едва заметная, высокомерная усмешка. В нём чувствовалась опасность, исходящая не извне, а из самой глубины, ставшая его второй натурой. Я почувствовала, как застыла. Страх сковал тело, но в глазах, к своему удивлению, я ощутила вспыхнувшее любопытство. Мне самой интересно, почему я боюсь этого человека? Когда я увидела его впервые, то издалека его аура не казалась такой тяжёлой и жуткой.

— Пташка, — его голос был низким, бархатным. — Что ты тут делаешь в такой поздний час?

Я не нашла что ответить, просто закинула еду себе в карман, чувствуя себя униженно маленькой и жалкой.

— Я не... я просто на минуту, — выдавила я, ненавидя себя за эту слабость.

Собрав всю волю в кулак, я встала напротив него. Его рост был таким огромным. Твою мать, я ему по грудь максимум. Всё моё эго растоптано. Я и так коротышка, так теперь ещё и лилипутом буду себя чувствовать.

Сделав глубокий вдох и выдох и досчитав до десяти, я пристально начала смотреть на него снизу вверх. Глаза, наверное, показывали мои истинные чувства. Но я приложила все усилия, чтобы они хоть отдалённо напоминали взгляд презрения.

— Я работаю и зарабатываю деньги, тебя не должно волновать, где я и кто я, — я вздёрнула подбородок и прикусила щеку изнутри, чтобы скрыть то, как я нервничаю.

Парень посмотрел на меня, но ничего не сказал. На его губах разыгралась сладострастная улыбка.

Он шагнул ко мне, и пространство вокруг вдруг сжалось. От незнакомца пахло дорогим табаком, кожей и чем-то горьким, опьяняющим, как абсент. Его тяжёлый взгляд и усмешка пригвоздили меня к месту.

— Лучше не стоит работать в таком заведении, уж слишком много тут голодных взглядов, — парень наклонился так близко, что его губы почти касались моего уха, а дыхание обжигало кожу. Его пальцы скользнули по моей щеке, жёстко задержав мой подбородок, заставляя меня смотреть ему в глаза. — Будь аккуратной.

Он щёлкнул зубами перед моим лицом, и я сдержала вскрик, который так и рвался наружу.

Я попыталась вырваться, но его хватка была как железные тиски. Ужас, липкий и холодный, пополз по спине.

— Отпусти меня.

Он разжал пальцы так резко, что я слегка пошатнулась. Всё его тело излучало напряжение, а губы оскалились. Парень ушёл в бар, а я так и простояла минут пять, смотря вдаль.

Я почти бегом бросилась обратно в помещение, как только пришла в себя, чувствуя, как горит щека под прикосновением его пальцев. Внутри царил та же суета, но теперь всё казалось иным: цвета стали насыщеннее, звуки — громче, а воздух — гуще. Я увидела Клинтон у барной стойки. Она что-то оживлённо говорила моему незнакомцу, имя которого я так и не узнала, который теперь непринуждённо развалился на стуле, как хозяин. Его взгляд снова нашёл меня через толпу, и он медленно, словно делясь страшным секретом, поднёс к губам стакан с тёмным виски. Я пыталась обуздать то тёмное, что проснулось во мне. *Почему мои кулаки сжались, и я захотела ударить подружку за то, что она болтает со своим же, как я думаю, парнем?*

Дальше вечер превратился в пытку. Я роняла подносы, путала заказы, чувствуя на себе его тяжёлый, неотступный взгляд. Он не подходил больше, но его присутствие витало в воздухе, окутывая меня невидимыми паутинами. Он был тенью, хищником, выжидающим своего часа. А ещё я всё-таки узнала, как его зовут, и не только. *Дамиан Рид*. Наследник компании своего отца. Самый красивый парень, которого я когда-либо встречала.

Вторая глава. Дамиан

*«...And piece by piece I am collecting all the things you leave behind
И по кусочку я собираю всё, что ты оставляешь за спиной.
And when you don't I rummage through your bins to see what I can find...
А если нет — я в мусорных баках ищу, что ещё урвать...»
Carlos and The Bandidos – An Unhealthy Obsession*

Она, эта девушка, была даже лучше, чем я мог представить. С того момента, как я увидел её в кафе, я наблюдал за ней всю смену. Как она порхала между столиками, стараясь выглядеть невидимкой, но её зелёные глаза, подчёркнутые стрелками, выдавали в ней дикарку, пытающуюся притвориться ручной...

Вид её, сидящей на грязном бордюре в этой дурацкой униформе с подтяжками, вызвал во мне что-то первобытное. Хищное. Она была так незащищена, так далека от своего убогого гнёздышка в Брикстоне. Да, я узнал от Клинтон, что она из этих трущоб. *Лёгкая добыча*. Её страх был осязаем, он витал в воздухе, сладкий и пьянящий, как самый выдержанный виски. Я намеренно говорил тихо, заставляя её прислушиваться, ловить каждое слово. Её щека под моими пальцами оказалась невероятно мягкой. Шёлк и огонь. Она попыталась вырваться — хорошая, правильная реакция. *Боец*. Но я почувствовал, как её тело отозвалось на моё прикосновение мелкой дрожью. Не только страхом и ужасом. Нет. Я знал это противоречие, эту войну между инстинктом бегства и порочным любопытством. Она никогда не сталкивалась с кем-то вроде меня.

Клинтон щебетала у меня под боком что-то о своей смене, о деньгах, о том, какая Рейна «странная». Я едва слушал. Наблюдал, как эта девушка роняет поднос, как её пальцы нервно теребят край формы, как она постоянно, неосознанно, касается того места на щеке, где только что были мои пальцы. Пусть пока побеждает. Пусть почувствует давление, панику, стыд от своей неуклюжести под моим пристальным взглядом. Это только разожжёт в ней огонь. Огонь, который рано или поздно я направлю в нужное русло.

Рейна пыталась не смотреть на меня, её взгляд смотрел куда угодно: на стены, на пол, бутылки, клиентов, но только не на меня. Делает вид, что всё равно, забавно. Клинтон что-то бормотала, закусывая губу. Её нервное возбуждение было другим. Примитивным и понятным. Она видела, куда приковано моё внимание, и ревновала. *Глупо*. Она была разменной монетой, удобным способом добраться до настоящей цели. Только я не понимал, почему эта черноволосая девушка так привлекла моё внимание. Я позволил Клинтон положить руку мне на плечо. Она слегка сжала его, это как раз помогло мне выйти из мыслей.

— Твоя подруга, — начал я, не повышая голоса, но он резал гул бара, заставляя Клинтон замереть. — Рейна. Она всегда такая... скованная?

Клинтон фыркнула, пытаясь скрыть укол ревности под маской пренебрежения.

— Аддерли? Она просто недотрога. Бойтся собственной тени. Живёт в этой дыре со своей алкашкой-мамой и мнит себя невестой кем.

Понятно. Значит, Клинтон не считает Рейну своей подругой. Интересно, однако. Надо будет предупредить пташку, что её подруга готова даже на оскорбления, лишь бы привлечь внимание мужчины.

Я встал и ушёл вглубь бара. Краем глаза я увидел, что серебряноволосая так и стоит, вся багровая от ревности, а брюнетка куда-то убежала. Поднимаясь по лестнице на второй этаж и проходя мимо длинного коридора, где музыка уже была приглушённой, я зашёл в кабинет отца и откинулся на кресле за рабочим столом.

Джетт Рид был владельцем этого бара, но из-за его отъезда в Нью-Йорк на встречи с бизнес-партнёрами это заведение легло на мои плечи. Мы с ним сегодня так и не смогли поболтать

по телефону, отчего мне даже немного грустно. А что? Я люблю своего папу больше жизни, так что мне и вправду досадно.

Мы общаемся раз в неделю, когда он в отъездах, а в них он бывает очень часто, ведь в разных странах и городах есть филиалы «Рид Корпорейшин». Это не просто мелкая компания или что-то вроде того, нет — это крупный международный конгломерат со штаб-квартирой в Лондоне. Но на данный момент в Лондоне руководит папин заместитель, Пемберли Эллертон. А я занимаюсь баром.

Дверь кабинета открылась без стука. Вошёл он. *Люциан Найт*. Моя тень. Мой лучший друг. Единственный человек, кому было позволено входить без предупреждения. Он был моим другом ещё со старшей школы, а позже стал моим личным телохранителем, когда ему потребовалась работа, которую я ему в итоге и дал. На нём был слегка помятый костюм-тройка тёмно-серого цвета, что создавало контраст с его гетерохромией. Да, у него это чертовски красиво выражено. Левый глаз — зелено-оливкового цвета, а правый — полностью чёрный. Шрамы украшали его бровь, а также скулы. Их, если мне не изменяет память, он получил, когда нам было по шестнадцать. Чтобы не раздувать сопливую драму, сразу скажу: он их получил из-за драки с водителем автобуса... Остальной рассказ — сплошные мелочи.

— Проблемы? — его голос был низким и на удивление спокойным, всегда таким, будто он только что проснулся.

Я не отводил взгляда от монитора, где Дэниел что-то шептал Рейне на ухо.

— Ничего, с чем бы я не справился, — процедил я.

Люциан подошёл и встал рядом, скрестив на груди мощные руки. Его взгляд скользнул по экрану.

— А, — он издал короткий, понимающий звук. — Аддерли. Я слышал, ты устроил ей представление у чёрного входа. Ну как слышал — я слушал. Ты так был поглощён ею, что не заметил, как я стоял возле дерева и разговаривал с Беннетом.

— Она сама себя загнала в угол, — сказал я, проигнорировав его слова о том, что он наблюдал за нами.

— Конечно, — в его голосе прозвучала насмешка. — Дэниел ей кто?

— Её друг. Так сказала Клинтон.

— Друг, — Люциан фыркнул.

Я резко повернулся к нему, и моё кресло со скрипом отъехало назад.

— Говори.

Тот поднял бровь, его лицо оставалось невозмутимым, а на губах появилась улюбодская улыбка.

— Я имел в виду, что ты пялишься на эту малышку так, будто она твоя собственность, которую ты только что нашёл в мусорном баке. А она, если что, тебе не принадлежит. И, судя по всему, у неё есть свой личный щенок для обнимашек.

— Она не понимает, с кем связывается, — я встал, подойдя к окну, чтобы не видеть мерзкую картинку на мониторе. — Этот мальчишка... он для неё никто. Пыль.

— Может быть, — Люциан пожал плечами. — Но пыль иногда попадает в глаза и мешает смотреть. Особенно когда её кто-то активно в глаза сыпет. Что ты собираешься делать, Дамиан? Раздавить его? Это будет выглядеть жалко. Со стороны ревнивого подростка.

— Мне двадцать четыре года, Люк, — на секунду я замолчал, вспоминая, сколько на самом деле мне лет. *Боже, вот это я старый.* — Я не собираюсь его раздавливать, это по-детски. Может, всего-навсего закопаю где-нибудь в лесу. — Я поднял взгляд на друга и кивнул сам себе.

Люциан покачал головой, ехидно улыбаясь. Мне захотелось ему врезать, он выводит меня из себя, этот чертов телохранитель.

— Ладно, жалко парня. Пойду, скажу, что он свободен и шёл домой. Звякну Лиссе, чтобы она сейчас приехала вместо него. — Люк, не дождавшись ответа, просто вышел из кабинета, захлопнув дверь. *Какая же язва.*

Я налил виски в стакан, поднёс к губам и улыбнулся, видя на экране монитора, как Люк что-то говорит этому мальчишке, и тот, убрав свои ручонки с Рейны, убежал. Молодец, дружище. Куплю тебе выпить. Возможно. *Нет.*

Несколько часов прошли в прострации. Я сидел за столом и перебирал все возможные документы. Скука полнейшая. Это всё не для меня — все эти отчёты, поставки, бумаги. От них у меня плавится мозг, и я уверен, что скоро он вытечет из моих ушей, глаз и даже — не удивлюсь — члена. Хотя своими извилинами я понимаю, что рано или поздно мне придётся полностью перенять бизнес отца. Мне нужно просто привыкнуть к этой бумажной волоките.

Моя птишка ушла ещё десять минут назад, как только ей вlepили в руки её оклад, который, на минуточку, мог сравниться с чьей-то недельной заработной платой. Та радостно убежала, беря под руку пониxшую Клинтон. Я открыл камеры наблюдения и перемотал на четыре часа назад, как раз в тот момент, когда эта маленькая проказница поела печенье, и увидел что-то знакомое. Я настолько долго всматривался в монитор, в застывший кадр, что даже не заметил, как вошёл Беннет Райвли. Бывший бармен «Меридиана», а ныне — администратор. Ему где-то за сорок, но выглядит он на все тридцать. Наверное, это из-за того, что он никогда не был женат и у него не было детей. Только его сестра треплет нервы всем подряд. Его коротко подстриженные светлые волосы делали лицо слегка овальнее, а голубые глаза выделялись на его загорелой коже.

— Как долго ты ещё будешь паяльаться? — резко выдернув из моих мыслей, произнёс Бен. — Я стою уже пятнадцать минут, а у тебя и мускул не дрогнул. Мне стоит звать Люка, чтобы он вернул тебя в реальный мир?

— Нет, со мной всё в порядке, — почти рыча от раздражения, ответил я. — Ты знаешь её? Повернув монитор в его сторону, я показал стоп-кадр с Рейной.

— Лично её — нет. А вот её мамашу, главную шлюху города, — да, знаю. Её, мне кажется, каждый второй британец знает.

— Что ты ещё знаешь и откуда? — спросил я.

— Ну, был момент, когда я пользовался её услугами. Она постоянно свою дочурку выгоняла в сад. Но в своё оправдание скажу: я не знал, что у неё есть дочь. — Сделав руками жест капитуляции, Бен продолжил: — Узнал только на восьмую ночь, когда Элизабет выгнала её прямо перед моим носом.

Я не ответил на его слова, а продолжал паяльаться на черты лица Рейны.

Ладно, мне нужно выпить и позвонить людям, чтобы они всё узнали об этой птичке. Достав телефон, я набрал одному человеку и приложил трубку к уху. Гудки пошли, а я продолжал смотреть на стоп-кадр.

— Салли, найди мне всю информацию о девушке Рейне Аддерли. Абсолютно всё, начиная с детства, заканчивая тем, где она покупает молоко. — Не дождавшись ответа, я сбросил.

— Кстати... — Ого, я думал, что Бен уже ушёл. — Так зачем я вообще сюда пришёл... — Он сделал паузу, и его тело напряглось.

— В чём дело, Беннет? — делая глубокий вдох, ворчу я.

Беннет садится на свободное кресло напротив меня, сложив руки в замок, и пристально смотрит в одну точку.

— Клинтон подходила ко мне и сказала что-то странное, — протянул Бен, и в его голосе была на удивление тихая и спокойная нота, которая не вязалась с его напряжённо вытянутым позвоночником и хмурыми бровями.

В моих жилах застыло всё. Что такого могла сказать Харгривз, что выбило почву из-под ног моего администратора?

— Она была какой-то рассеянной, и мне даже показалось, что она под наркотиками, из-за её затуманенного взгляда. Клинт так бессвязно говорила, что я едва разобрал половину слов.

— Хватит ходить вокруг да около, ты бы ещё эту историю начал со своего рождения! — Моё раздражение начало выходить из-под контроля, и я, сжав челюсти, прошипел эти слова ему.

Какого хрена вообще эта девчонка была под кайфом на рабочем месте?

— Она бормотала что-то про Рейну Аддерли, и единственное, что я смог разобрать, так это: «Аддерли всегда получают по заслугам» и что «мамаша уже отхватила свою долю». Я переспросил, что она имеет в виду, но та лишь потупила взгляд, нервно засмеялась и ушла вглубь бара. А когда я за ней пошёл, то увидел, как Рейна уже тащит её за руку в сторону выхода. — На протяжении всего рассказа голос Беннета менялся от спокойного до слегка недоуменного.

— Есть ещё что-то? — спросил я и упёрся взглядом в монитор.

Экран уже потух, но перед глазами вспыхнула Клинтон Харгривз. Почему она молола эту чушь?

Я сжал кулаки так сильно, что ногти впились в ладонь, оставляя уродливые полумесяцы.

— Нет, только это. Для меня вообще странно, что она ко мне подошла, мы же с ней даже не ладим. В её глазах, когда она нервно начала смеяться, что-то промелькнуло — будто она только-только поняла, с кем разговаривает.

— Возможно, она думала, что говорит это кому-то из гостей, который знает этих обеих Аддерли, — сделал я предположение, хотя и сам в него не верил.

— Возможно. Нельзя это так просто отметать, — заключил он, прочищая горло.

Быстро включив компьютер, я начал отточенными движениями просматривать все видео камер бара. Беннет встал позади меня, чтобы тоже что-то увидеть. Я пытался найти хоть одного посетителя, который мог разговаривать с этой кареглазой девушкой дольше, чем нужно.

Мои пальцы быстро скользили по мышке и клавиатуре, щёлкая и печатая. Делая это на протяжении тридцати минут, я пришёл к безрезультатному выводу. Ничего подозрительного не было: ни взглядов, ни шепотков, ни чего-либо ещё.

Можно было сказать, что всё это — бредовые басни одной наркоманки. Но моё чутьё меня никогда не обманывало. Что-то здесь нечисто.

Третья глава. Рейна

«...*And*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.